

В литературном процессе и журналистике Дальнего Востока периода революции и Гражданской войны крайне значительной, авторитетной и уважаемой была фигура Всеволода Никаноровича Иванова — поэта, прозаика, журналиста, историка, философа, мыслителя, автора исторических романов. На сегодняшний день в отечественном литературоведении есть монографии и статьи, посвященные изучению его романов и повествований, художественно-публицистических исследований и историко-философских эссе, очерков и сонетов. Это в основном работы дальневосточных исследователей: С. И. Якимовой, А. В. Ревоненко, В. В. Лелаус, Н. С. Позиной, Г. П. Аникиной, Е. С. Курдаковой, Л. В. Салеевой, Л. П. Таврид и др.

Как известно, первый раз во Владивостоке Вс. Н. Иванов появился в апреле 1920 года — приехал из Харбина, где работал в газете. В мае писатель посетил японскую Иокогаму, а лето и осень провел в Китае, где создал единый центр информации на Дальнем Востоке — Дальневосточное Информационное Телеграфное Агентство (ДИТА) и стал его директором. В марте 1921-го из Харбина Иванов окончательно переезжает в город Владивосток, поскольку получает приглашение со стороны ректора ГДУ профессора М. Н. Ершова. Широко известный в будущем писатель сразу становится активным участником литературной жизни города, с двадцать шестого мая 1921 года и до 1922 года редактирует и издает «Вечернюю газету», закрытую за антиправительственное направление.

Редакция газеты размещалась в большом доме на углу Китайской и Пекинской улиц. Буквально через час, вспоминал позднее Иванов, «тираж потоком выскочил на улицу. В первый же день было распродано до двадцати тысяч экземпляров... Должен сказать, — дополняет издатель «Вечерки», — что сколько бы я ни издавал газет, все они всегда отлично шли... Зайдя в «Денни Мотт и Диксон», я нашел там все правительство в сборе и роздал министрам мою газету. Мне тут же налили бокал шампанского, и я получил удостоверение Уполномоченного по печати Приамурского правительства во Владивостоке». В Морском штабе, в Доме правительства у Иванова появился свой кабинет, и был получен указ правительства о выпуске «Известий Приамурского правительства», а также новой газеты «Русский край». Как высокий чиновник, Иванов получил ордер в гостиницу «Версаль» (№ 9) с балконом на Амурский залив, ему был поставлен телефон. Для Иванова началось непростое дело совмещения чиновничьей и журналистской, творческой деятельности.

В самом начале 1920-х многие газеты и журналы редактировались известными общественными деятелями Дальнего Востока, писателями, при этом разной политической и творческой ориентации: Вс. Н. Ивановым — «Вечерняя газета», Н. Ф. Насимовичем-Чужаком — «Красное Знамя» и «Творчество», С. М. Третьяковым — «Би-

рюч», Н. Н. Асеевым — «Великий Океан», «Далекая окраина» и «Дальневосточное обозрение», А. И. Несмеловым — «Владиво-Ниппо», С. Я. Алымовым — «Рупор», М. В. Щербаковым — «Крестынская газета». При ближайшем участии Н. Н. Асеева, А. А. Богданова, Н. Ф. Чужака выходил журнал «Неделя», редактором-издателем журнала «Восток» являлся Вл. Силлов. Художественно-литературный журнал «Арс», на манер столичных, редактировал известный дальневосточный художник Гавриил Комаров, также украшавший своими рисунками коммунистическое «Творчество».

В редколлегию детского литературного сборника «Снежный ком», издания Приморской Губернской Комиссии по улучшению жизни детей, входили писатели А. Богданов, Н. Костарев, В. Новицкий. Последний в свое время содействовал продвижению в дальневосточной журналистике Н. Асеева, сам писал рассказы, а под псевдонимом Иона Вочревесущий публиковал фельетоны в «Красном Знамени» и был обозревателем сатирических рубрик в «Дальневосточном обозрении». Известный на Дальнем Востоке фельетонист Николай Панов (псевдоним Кок), владевший с отцом лучшей типографией в городе, редактировал внепартийную независимую газету «Руль» и газету «Речь». Как отмечал А. В. Ревоненко, из устных разговоров с Вс. Н. Ивановым, «владивостокские газеты тогда в большинстве своем напоминали банку со скорпионами; каждая стремилась иметь свое лицо, каждая претендовала на ведущую роль и поливала собратьев по перу на чем свет стоит».

Ускоренный процесс политического и творческого размежевания 1917–1922 годов сказывался в определенной степени на личности литератора и тематике, идейном содержании его газеты. Огромное количество периодических изданий начала 1920-х годов, их политическая разноликость, конкуренция вызывали порой самые нелестные оценки среди местного населения. Так, владивостокский журналист, поэт-фельетонист Ноэль в стихотворении-памфлете «Газетный голод» описал ситуацию, дав развернутую сатиру на содержание периодики тех лет:

*В хаосе безденежья, горя,
В ежовых перчатках судьбы
В Владиво у синего моря
Газеты растут, как грибы.
По тону верхов камертона
Брюзжит бутербродная мразь, —
Уроки «хорошего тона»
Разводит «Вечеркина» грязь.
И экс-бутербродный калека,
«Край русский», ворчливый, как зверь,
Беззубо «права человека»
Жует, проклиная «Курьер».
А «Слово», глядя приживалкой,
Ищейкой наморщивши нос,
По «Голосу Родины» шавкой
Знай, тявкает брань и донос.
Дщерь Солнца «Владивошко-Ниппо»
Японией хвалится нам.
«Серебряный голубь» посыпал
Тротуары по праздничным дням.
«Вечерней Звездой» Савостий
Помои по праздникам льет...
Читатель голодный не кости —
Газетные злости жует.**

* Здесь и далее при цитировании текстов сохраняется орфография и пунктуация источника.

В фельетоне дважды видны отсылки к Иванову. В случае с «хорошим тоном» «Вечерки» и в упоминании некоего Савостия. Малоизвестный факт, но «Савостий» в литературно-журналистских кругах Дальнего Востока было одним из прозвищ Всеволода Никаноровича, данное ему Пановым-Коком.

О печати вообще, об интервентской печати во Владивостоке — газете японского правительства «Владиво-Ниппо», высказывались многие, в том числе со страниц «Голоса Родины», где некто под псевдонимом «Хара-Кири» в стихотворении «Берсэз. Газетоколыбельная песня» восклицает:

*Гражданин! Брат бледнолицый, что это?
День новый новую дарит газету —
«Ниппо-Владиво» и «Слово», как няни,
Нам простирают, баюкая, длани.
Учат нас правде смиренно и мудро,
Ровно они нам Вильсон, что ли, Вудро.
Учат, как жить, чтобы было спокойно,
Чтоб не шалили мы воль, аль неволью...*

Нельзя, однако, не учитывать те факты, что в этот политически сложный период наблюдались неоднократные попытки сближения японской и русской печати. И не последнюю роль в подобных сближениях играл, обладая харизмой и авторитетом, Всеволод Никанорович. Так, например, четырнадцатого декабря 1921 года в ресторане «Версаль» состоялся банкет японских и русских журналистов, устроенный редактором-издателем «Владиво-Ниппо» Идзуми. На банкет были приглашены представители русских газет, издающихся во Владивостоке. По словам инициатора, банкет имел своей целью сближение и взаимопонимание русских и японских журналистов. Как отмечалось впоследствии, «банкет был очень удачен и прошел не в пример прочим под знаком истинного товарищеского сближения». «Банкет был открыт приветственной речью редактора-издателя «Владиво-Ниппо» г. Р. Идзуми, выступившего от лица всех работников японской прессы и указавшего, что сближение русских и японских журналистов — его давняя мечта, которую он никак не мог осуществить ввиду непрерывных внутренних пертурбаций местной русской жизни. После него от лица правой прессы выступил Вс. Н. Иванов, указавший на национальные задачи правой печати и на желания сближения на этой почве русской и японской прессы. Затем с приветствием к японским журналистам обратился А. А. Богданов, указавший на те симпатии, которые русский народ испытывает к японскому, и также приветствовавший идею сближения русской и японской прессы. После этого произнес приветствие корреспондент «Хочи-Сумбун» Н. М. Ямаучи, указавший на то, что хотя учителями японцев являются англичане, американцы и французы — сердце Японии ближе к сердцу России. Японцы любят и ценят великую русскую литературу, и те, кто полагают, что японцы желают приобретения русской территории — ошибаются».

Вс. Иванов очень много и продуктивно работал в своей «Вечерней газете». Не только издавал, но и редактировал. Почти в каждом номере можно встретить его статью по тем или иным актуальным проблемам экономики, политики, культуры. Подробно эту его журналистскую деятельность впервые глубоко анализирует С. И. Якимова: «Как редактор «Вечерней газеты» Иванов очень много писал сам. В период с 26 июня по 29 сентября 1922 г. им было опубликовано в своей газете 29 статей, заметок и очерков. Их тематика обширна. Здесь вопросы внутренней политики («Приамурское Временное Правительство», «Читинский офицюз») и международной («Ямакава Кикюё» — об отношениях России и Японии, «Советская дипломатия»), экономики («Живая сказка» — о голоде в России, «Собирание Руси» — о необходимости выравнивания экономического базиса страны), вопросы морали и нравственности («Потревоженные цари» — о разграблении царских могил в Петрограде, «Наша речь» и бандиты» — о

недопустимости пропаганды преступности в средствах массовой информации). Не обходит Вс. Н. Иванов и острый в те годы период ломки и пересмотра традиционной системы ценностей, проблемы отношения к русской классической литературе. Об этом его статья «Суд русской литературы».

Редактируя «Вечернюю газету» и активно выступая в ней, Вс. Н. Иванов продолжал публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его статья за отмену смертной казни «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» <...> Журналистская деятельность в полной мере выявила энциклопедичность знаний, формировавшееся писательское мастерство будущего автора крупной прозы».

В начале 1920-х годов непрерываемыми для поэтического настроения Дальнего Востока были имя и авторитет Николая Гумилева. Во Владивостоке часто проводились вечера, посвященные поэту. Так, например, пятого марта 1921 года в «Балаганчике» — одном из популярных творческих объединений владивостокских футуристов — состоялся «Вечер памяти поэта Н. Гумилева». На нем выступили: доцент ГДУ Л. А. Зандер с докладом на тему «Война в поэзии Н. Гумилева», поэт Л. Е. Ещин прочел знаменитое стихотворение Н. Гумилева «Капитаны», которое было иллюстрировано художниками Августинопольским и Шабуневичем. Поэт Л. Д. Тяжелов прочитал этюд о творчестве поэта Гумилева. Художественное чтение произведений Гумилева иллюстрировали поэты: Л. Ещин, В. Рябинин, Б. Бета, А. Несмелов, А. Журин и М. Скачков. Артистка К. С. Лукина прочла этюд о творчестве поэта Гумилева, написанный Вс. Н. Ивановым, который ввиду болезни горла сам выступить не смог. Позже этот этюд памяти поэта «Певец полдня» был напечатан в «Вечерней газете», и из него следовало, что для Всеволода Никаноровича Н. Гумилев был «певцом полдня и вечной жизни»: «Меньше одним пленительным человеком... Вечной жизни он был певцом, жизни прекрасной, как вечно воскресающие мраморы. Он различал ее божественные контуры сквозь те волнующие одежды бытия, о которых говорит Гете... И он искал жизни не современной, той, корсарской, пиратской, охотничьей, абиссинской, военной, наконец, которая допьяна бы напоила его своими силами... «Победа, слава, подвиг — бледные / Слова, затерянные ныне, / В душе звучат, как трубы медные, / Как голос Господа в пустыне...». Всю роскошь мира впитывает в себя поэт в этих видениях, но не отчужденных, а лишь усугубленных экзотикой. Как день перегибается из опаловых сине-зеленых в алых пятнах утренних сумерек и через золотой полдень в отдохновительную прохладу поднимающихся туманов вечера, так и жизнь, сплошная и неразрывная, имеет в себе углубленность полдня, греческого АКМЕ.

Полдень, сладкий и нежащий, концентрирует и вбирает в себя всю жизнь, подобно тому, как в хрустальном стакане, в ключевой воде уральский цветной камень делается бесцветным, лишь в одной грани собирая всю силу, всю интенсивность своей окраски... Русский Андре Шенье, он, верно, улыбкой встретил свою смерть от красной волны революции... Потому что он был певцом полдня и вечной жизни».

Еще одним безусловным авторитетом на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов был Александр Блок. Разным граням творчества великого поэта-символиста было посвящено много любопытных статей и отзывов. Не мог остаться в стороне и Всеволод Иванов.

В «Вечерней газете» к «Вечеру памяти Блока» была опубликована статья писателя «Причастный тайнам (памяти А. Блока)».

В 1922 году во Владивостоке Вс. Иванов входит в «Салон поэтов» — литературно-художественный кружок, объединивший вокруг себя также поэтов Арс. Несмелова, Л. Ещина, М. Щербакова, П. Далецкого, Б. Бета, Ющенко и др. Объединению «Салона поэтов» предшествовал выход в апреле поэтического альманаха «Парнас между сопок» (1922) при участии Б. Бета, Л. Тяжелова, М. Скачкова, Арс. Несмелова и Вс. Иванова. Рецензентом того времени неким Дуксом была особо отмечена «Поэма о Даме в Сером» Вс. Иванова: «Сегодня все море шелково, / Серое, тихо и парно... /

Свистят паровозы... Эй, кто кого! / Ажурны черные краны». Весна в разгаре. Жизнь бьет ключом: «И я тоже с красной кровью / Люблю жизнь и море, и свет». Но и у него к той же мистической: «Серой таинственной Даме / Лег неземной поворот». Правда, эта серая дама лишь слегка отуманивает поэта. Вокруг нее слишком радостный хоромод более ярких красок, и солнце, и надежды. Прекрасно написанная, в общем, поэма значительно выиграла бы и в более тщательной отделке. Чувствуются нагромождения и слишком «сырые» места.

Еще один владивостокский рецензент Николай Светлов отмечает совершенно особое отношение к женщине у Вс. Иванова, простоту мира. «Вспоминая греков, поэт говорит: «Как просты все контуры жизни, / Пшеница, свинина, вино. / И только мечтой об отчизне / Их сердце простое полно». В этой сладкозвучной цельности образа — гвоздь поэмы или, вернее, фон ее. Женщина в сером — не повелительница. Она хочет быть ею, и поэт соглашается допустить ее в свой мир как повелительницу. Но, подходя к женщине, он уже издевается над нею: «Как это море ликерно, / Как весь сиренев окрест». Пожалуй, даже не над ней издевается, а над теми Блоками, Северяниными, которые «всерьез обожествляли женщину». В конце концов, да простит меня поэт, у меня вовсе нет уверенности в том, что та трость, которой, подходя к женщине, делается пошлый жест, не обращается у него в хлыст, который Ницше советовал брать с собой, «когда идешь к женщине».

И в этом художественная революционность поэмы. Сказав: «О, эта тонкая шея, / Изгиб старинных икон, / Зачем я болею ею, / Когда я сам так силен», — поэт не становится в сторону обожествления женственности, а кладет женщину в свою постель и, как эпикуреец, наслаждается ею. Мне скажут: это пошлость! Ничего подобного. Радость любви нужна потому, что она открывает мир. И только тогда можно творить: «Был ночью дождь, и льется свежесть / В полуоткрытое окно, / Полуоткрыта моя нежность / К Вам, к ней, к обеим — все равно. / Так заходите, станьте ближе, / Сегодня сердцем я премудр. / Теперь напротив стену лижет / Восхода бледный перламутр».

В этой жизни, контуры которой так просты для мудрого взора, — все проходит. И в этом нет для Вс. Иванова ужаса, он спокойной и ясно принимает тот мир, «где проносятся, все созидавая, / Обновляя все — Серая Смерть». И стихи о Серой Даме написаны потому, что мир прекрасен и в трогательном крестике белой чайки, «покосившемся над прибором», и в пошлом «овесененном бюсте» с наколотыми фиалками.

Мудрость здоровья (а вовсе не БЫТА, который всегда смешан с ГНИЛЬЮ) (здесь и далее шрифт авторский. — Е. К.) — мудрость большого таланта поет в этих заключительных строках поэмы: «Ветер шелестит бумажной рамой, / Тлеет на полу бронзовый кибачи. / Долго думаю о Серой Даме / В смутном сумраке японской дачи. / Там за окнами бушует море, / Сквозь бурление чайника его вздохи слышны. / Толстый бог сидит в довольстве и покое / Под лозой роскошной вновь расцветшей вишни. / — Люди! Будьте тоже, как боги!.. / — Старым текстом еще раз сыграйте!.. / Над серебряным, бушующим прибором / Покосился крестик белой чайки».

Вс. Иванов заслужит много упреков в небрежности к форме. Мне же думается, что мы имеем дело не с небрежностью, а с чем-то другим. Это скорее ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ОТДЕЛКЕ, и это Вс. Иванову «ИДЕТ». Он ГРОМЫХАЕТ И СТУЧИТ, КАК ГРУЗОВИК, НАГРУЖЕННЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ПРИПАСОМ. На фоне этого громахания нежнее мелодия влечения сильного к слабому, мужчины к женщине; прекрасней вдумчивость <...>.

Смешно, конечно, заниматься предсказаниями, но иногда, когда читаешь хорошие стихи, трудно удержаться от этого. В лице Вс. Иванова мы имеем поэта с серьезным настоящим, с вероятно большим будущим, у которого «талант к огромным полотнам, к большим картинам и резким обобщениям».

Вспоминая одно стихотворение Арс. Несмелова, скажу о Вс. Иванове: «ОН СЛОН, ГРОМЫХАЮЩИЙ ЧЕРЕЗ ЛЮДЕЙ, ИЗУМЛЕНЬЯ И ВЕЩИ»». Такими словами завершает свой обзор альманаха «Парнас между сопок» рецензент Н. Светлов.

Вс. Иванов много писал под псевдонимами, например «С. Каменский», «С. Курбатов», «П. О. Сольский», «Вс. И.». Псевдонимы «Доктор Финк», «д-р Ф.», «Павел Огурешников» писатель использовал для фельетонов во владивостокских газетах. Работая журналистом, Вс. Иванов пишет стихи, стихотворные политические фельетоны и памфлеты, что является сегодня по-прежнему малоизвестным и неизученным фактом. Под псевдонимом «Павел Огурешников» в «Вечерней газете» Вс. Ивановым был опубликован язвительный фельетон «Светлая личность», карикатурно высмеивающий, очевидно, одного из известных журналистов Владивостока, такого непостоянного сотрудника, «гуляющего», «перебегающего» по разным причинам, в том числе, как видно из подтекста, политическим, идеологическим, из одного местного издания в другое. В фельетоне упоминаются и газеты «Владиво-Ниппо», «Трибуна», «Жизнь», «Вечер», и спонсируемый японцами юмористический листок «Блоха» (1920), и политическая элита Владивостока в лице Л. А. Кроля, С. Ф. Знаменского, бывших к тому же редакторами внепартийной демократической газеты «Вечер» (1920–1921), и общественный деятель, журналист и редактор И. Якушев. Малоизвестное в наши дни слово «скнипа» обозначает клянку, плаксивого попрошайку, который прикидывается бедняком. Кто такой Аркадий Фролыч Напильников — пока не установлено. Вероятнее всего, в такой завуалированной форме фельетон посвящен Арсению Ивановичу Несмелову-Митропольскому. Как известно, Несмелов был редактором газеты японского правительства «Владиво-Ниппо», издававшейся во Владивостоке на русском и японском языках.

*Он — не парень, просто скнипа.
Эх, лихой теперь народ!
Он с мадам «Владиво-Ниппо»
За ледахтура живет.
Хорошо ему живется —
Но мадам провел, шалун.
И с «Трибуны» раздается
Балалайка, не перун.
Но «Трибуна», ах, издохла.
Гражданин, слезой не брызнь!
Нет великого Патрокла,
Жарь-ка в Якушеву «Жизнь»!
Захудалый, полинялый
Ваня Якушев готов
Оценить твой стих удалый
Парой земских пятаков.
Подзаялись две фигуры,
На подмогу сыплет Кроль...
В гроб честной литературы
Полезай-ка, «Жизнь», изволь!..
Те ревут, Аркаша светел, —
Для талантов легок путь...
Для питанья — тянет «Вечер»
Сержа Знаменского грудь...
Что ж, питайся, скривши пятна,
Дабы не было греха,
Куда жалила приятно
Многойенная «Блоха»...
Так живи, Аркадий Фролыч,
Обличай лжу и порок!
Замечательную... светлую личность
Любит в Вас Владивосток...*

Часто под псевдонимом «Доктор Финк» Всеволод Никанорович высмеивал свое литературное окружение, журналистские круги Владивостока. Так, например, до наших дней сохранился его фельетон «Итоги дней последних», посвященный много ругаемому поэту и критику Александру Журину, активно публиковавшемуся на страницах дальневосточной периодики начала 1920-х годов. Заключительной строкой, цитируя пушкинского «Евгения Онегина», Иванов незамысловато обвиняет автора в плагиате: «Журин написал сатиру — «Итоги дней последних». Это, наверное, будет отличная сатира. Только вот совершенно не указано — войдет ли туда «Нега», красавица Лазариди.

А между тем программа в сегодняшнем «Голосе Родины» написана весьма подробно. Эта шутка, видите ли, составляет «юмористический обзор событий с 1918 года до последних дней и воспроизведения типичных деятелей на различных поприщах общественной и частной жизни»...

Так сказать, «на всех поприщах ваших», как писал некий мифический писарь...

Писарский стиль шибает нос и дальше в этой заметке... Держитесь, темные силы. Журин идет на вас, как некий светлый герой.

«Сатирическому обличению и высмеиванию» — тоже два раза! подвергаются те темные силы, которые разрушают национальные, культурные и материальные ценности или препятствуют созидательной работе...

— Вот, друг Чичиков, пища для сатирического ума!..

Всего же эффектнее та поправка, которую автор заметки внес в стихок некоего Пушкина. Оказывается, все это обозрение является плодом «продолжительного времени» и «ума тревожных наблюдений и сердца горестных замет»...

Ах, Пушкин... Так бы тебе, покойнику, следовало написать.

А ты ведь что написал: «Бессонниц, легких вдохновений, / Увядших и незрелых лет, / Ума холодных наблюдений, / И сердца горестных замет...».

Вот это журналист, так журналист... Отличный журналист! Самого Пушкина правит...».

Считываются в заметке и иные приметы жизни окраинного города. Так, забавной сегодня выглядит отсылка к популярной в годы Гражданской войны и интервенции во Владивостоке водке «Нега», выпускавшейся предпринимателем А. Н. Лазариди. Оптовый склад вина и спирта А. Н. Лазариди находился по адресу: Светланская, 18. «Самая лучшая водка, утеха человека, прозрачна, как кристалл, живительный целебный нектар, от которого не болит голова, достойная замена китайскому ханшину», — примерно так гласила поэтическая реклама. На страницах газеты «Воля» неизвестные авторы часто публиковали разные незамысловатые стишки, посвященные водке «Нега».

Досталось от Вс. Иванова и небезызвестному поэту Павлу Далецкому. В критической заметке «Странная молитва» Доктор Финк рассуждает о поэме Далецкого, опубликованной в газете «Голос Родины»: «Какой-то П. Далецкий разразился в «Голосе Родины» страшнейшей поэмой. Вот как молится герой в этой поэме: «И встал я в неподвижной забаяюканной ладье / И призывал Его из глубины вселенной. / И вдруг познал, что на далекой, нерассмотренной звезде / Мне кто-то молится, упавши на колена».

Боги, очевидно, услышат эту поэму, и она войдет отдельным отгиском. Предусмотрительный малый этот поэт». Сегодня точно трудно установить, о какой поэме Далецкого идет речь. Возможно, «Кхисабаал» или «Аиломар».

Любопытно, что под сатирические отклики попадал и сам Всеволод Иванов. Так, некто под псевдонимом «Икс» в критической заметке «Вечер интимной поэзии» пишет об успешно прошедшем десятого апреля 1922 года вечере. В заметке обсуждалось пристрастие поэтов к «наркотам в поэзии», кокаину, «интимизму», о невращении как творческом недуге. Доходило до веселых курьезов, вплоть до стрижки волос, как в случае с «интимным студентом Пироговым, который с мая месяца не стриг волос. Но Пирогову удалось доказать, что у парикмахера он был на Рождество, и его отпустили». Среди прочего Икс с юмором отмечает: «Всеволода Иванова встретили аплодисментами. Но когда во время доклада поэт, показав на бутылку и стакан, заявил: «Вот и

стакан, который сделан для того, чтоб наливать в него танзан», публика была удивлена столь скромным и благонаправленным заявлением автора «Поэмы еды»».

Из владивостокской периодики сегодняшней пытливым исследователем может сделать выводы и о личных качествах Всеволода Никаноровича, о его гастрономических пристрастиях, о том, что любил он хорошо и вкусно поесть, за что был мишенью в газетных фельетонах, о его сибаритстве и барстве. Узнать можно и о заботе писателя о некоторых своих коллегам-поэтах. Так, например, бывший участник Ледового похода талантливый поэт, журналист Леонид Ещин, близкий друг Арс. Несмелова, персонаж нескольких его рассказов («Чудесный подарок», «Голубое одеяло»), во владивостокских кругах, а позже в харбинских, не раз подвергался критике за пристрастие к наркотикам и алкоголю, за жизнь в нищенском, бездомном, униженном, вийоновском, бродяжном варианте. Сатирически охарактеризован он был неким Мистером Годдэмом в «Литературных портретах» еще во владивостокской «Вечерней газете»: «...Внешность Леонида Ещина всецело зависит от метеорологических показаний: при сильном норд-весте и двадцатиградусном морозе — белоповстанческий полшугайчик на теплых нитках, а при легком бризе зюйд-ост неправдоподобный перешиток из необъятного бывшего пальто доктора Финка». Понятно, что весьма крупный физически Иванов отдал бездомному, раздетому, неприкаянному Ещину свою шубу, в которую тот, будучи маленького роста и небольшим по комплекции, смог завернуться несколько раз.

А вот еще одна характеристика Всеволода Никаноровича: «О Иванове говорили во Владивостоке все, печатали и рассказывали о нем всякие небылицы, чему он сам немало способствовал.

У Иванова появились деньги, с которыми он также легко расставался, как получал. Недаром один доморощенный поэт в своей поэме отметил: «Савостию щедрому — слава! / Савостию — наш меч и наш щит, / Савостий светлей Святослава, / Он кормит, ласкает, поит...»».

Корпулентное, тучное телосложение писателя, его характер неизбежно будоражили окружающих. На Иванова писали эпиграммы, с него рисовали шаржи. Так, сохранился дружеский шарж художника Михаила Урванцева, художника, который позже украсил своими рисунками поэтическую книгу «Отгул» (Шанхай, 1944) приятеля Доктора Финка М. Щербакова. Шарж Урванцева дает представление о внешности Вс. Н. Иванова тех лет. Дородный Всеволод Иванов даже рифмовался с диваном.

— *Весом не Атлант ли Вы?*

— *Пузо иль буфет?*

— *И... весьма талантливый*

— *Все-таки поэт.*

Кстати, гастрономическая тема стала одной из привлекательных для Вс. Иванова. Во Владивостоке была переиздана выпущенная в Шанхае поэтическая книга «Поэма еды» (Владивосток, 1922), созданная под влиянием литературной традиции Ф. Рабле и в результате близкого знакомства Вс. Иванова с характером и менталитетом китайского народа. Поэме предшествовало следующее посвящение:

Веревкой крепкой к мачте повит,

И ненавидя, и любя,

Следи, как моря бездны кроет

Бег громозвучный корабля.

Мимо пленительного плена

Беги, премудрый Одиссей,

Да не прельстит тебя Сирена

Жемчужной прелестью своей.

*Как полумертвая Европа,
Лети на парусном быке
Туда, где скорбна Пенелопа
За ткацким станком вдалеке.
И катится слеза, быть может,
На белизну хламид и стол.
Там ждет тебя простое ложе
изобильно-пышный стол.
(Владивосток, июль 1921)*

Третьего сентября 1921 года в «Вечерней газете» появилось сообщение, что группа журналистов, художников, поэтов выпускает журнал о ясной жизни «Serenitas». Цена отдельного номера была сорок копеек. По словам Вс. Н. Иванова, редактора-издателя этого журнала, он объединил эстетствующую публику, был интересен. Вышло три номера. В окружение журнала входили поэты М. Скачков и Арс. Несмелов, баронессы сестры Штемпель. Вероятно, один из помещенных в газете «Владиво-Ниппо» «Шаржей юга», сопровождаемых карикатурами, был ответным посланием Вс. Н. Иванову и его начинанию. Так, «Serenitas, или Пипифакс Доктора Финка» гласил:

*Но кто притаился, как глыбы,
В печатном тумане и мгле —
И гуси, и утки, и рыбы
Полощатся в этом желе.
Но салом мне губы не смажут,
Их доля брехать и кричать,
Эй, доктор, когда же он скажет —
«Профинкался... Надо кончать!»*

Как известно, раньше пипифаксом шутливо называли туалетную бумагу или очень тонкую бумагу, традиционный российский пипифакс в лучшем случае — газета.

Еще одной гранью таланта Иванова стала его слава прекрасного сонетиста. Надо отметить, что жанр сонета приобрел наибольшую популярность в дальневосточной поэзии начала 1920-х годов. Сонет получил свое очередное рождение на рубеже веков, в эпоху символизма, как жанр философской, описательной и любовной лирики. К тому же сонет как никакой другой жанр ярко отразил свойственное для рубежа веков соотношение традиционного и новаторского, в том числе и на дальневосточной почве.

Вс. Н. Иванов считается создателем своеобразных историко-философских сонетов, по-прежнему мало известных широкому читателю: «Видение», «Дьявол», «Финикия», «Демократия», «Воспоминание», «Углич», «Ампири», «Христос», «Клио». Многие из сонетов были опубликованы на страницах владивостокской общественно-политической, экономической и литературной газеты «Русский край» в 1921 году. А вот на первой странице еженедельного художественно-литературного журнала «Дальневосточный Огонек» был напечатан сонет Вс. Иванова «История». На самом деле сонет назывался «Клио», поскольку посвящен был заветной музе Вс. Н. Иванова, музе истории:

*Листы истории хранят в себе бывшее,
Как блеклые цветы тончайший аромат.
И медные мечи особенно гремят
У врат разрушенной, богам не милой Трои.
На камнях площади, в довольстве и покое
Навек старейшие свой мудрый суд творят.*

*Пусть в пропасть прошлого все глубже никнет взгляд —
— В обыкновеннейшем там чудятся герои —
Циклопы мощные, их кладка мощных стен,
На стенах красота классических Елен,
И в их любви, открытой нестыдливо,
Все образует длинный коридор,
В конце которого струит безмолвно взор
На вопрошателя изваянная Клио...*

Как писал рецензент Скетч в газете «Воля», «это стихотворение написано на мотив Вяч. Иванова — очень «умная» поэзия — тут и Троя, и Елена, и Клио — гладко, причесано — хорошо знает древнюю историю г. Иванов». Через несколько десятилетий в своих «Воспоминаниях» автор с гордостью скажет, что за этот и за другие сонеты он удостоился теплой похвалы великого мастера, поэта Вячеслава Ивановича Иванова, который сравнил их с сонетами Жозе Марии де Эредиа.

С. И. Якимова рассматривает некоторые исторические сонеты Иванова как «своеобразные поэтические эскизы к его последующему прозаическому творчеству писателя-историка», в котором проявятся «содержательные признаки жанра сонета». Например, сонет «Екатерина» многими своими гранями и аспектами «раскрывается» в исторической повести Вс. Н. Иванова «Императрица Фике», созданной писателем после эмиграции (Хабаровск, 1968).

На наш взгляд, у Вс. Н. Иванова все же наблюдаются нарушения классических требований, предъявляемых к сонету, и особенно это проявилось в нарушениях содержательно-тематических. Нами было замечено, что, несмотря на особую философско-медитативную ориентацию, свойственную творческому сознанию и стилю писателя, Вс. Н. Иванов зачастую прозаизирует, «обытовляет» изначально высокую форму сонета, нарушая «правила». Точнее, пишет высоким слогом о вещах обыденных или тематически незначимых. Традиции этого особого искусства, берущие свое начало от «эпикурейских» державинских од и прекрасной ясности, понятности А. Пушкина, писатель наследует с виртуозным мастерством. Так, во владивостокской «Вечерней газете» были помещены по форме классические, но как бы «бессюжетные», «бестемные» «Сонеты о Нарсобе». Написание их было навеяно Вс. Иванову общественно-политическими реалиями того времени, а историческая значимость таких сонетов раскрывается в том числе и в том, что здесь были обрисованы конкретные личности Владивостока, члены Народного собрания, общественные деятели: К. Лихойдов, ученый-этнограф С. Широкогоров:

*О, духота времен в глухом лесу Нарсоба.
По шаткой лестнице змеящимся винтом
Вы поднялись со мной, поэтом-чудаком,
В английской шляпе знатная особа.
На сцене тишина и сумеречность гроба.
Огромный стол покрыт свисающим сукном.
Пылает канделябр коптящих свеч снопом;
Глава и секретарь в неярком свете оба.
На декорации — высокий коридор.
Невольно чудится старинный Эльсинор,
Немой Судьбы таинственная мета.
Широкогорова фланелевый костюм,
И К. Лихойдов сам, иссохнувший от дум, —
Как будто бы Гамлет и тень отца Гамлета.*

В 1922 году, будучи в Японии, Иванов издал в Токио сборник стихов «Сонеты». Второе, дополненное, издание вышло в 1930 году в Харбине и было высоко оценено Арс. Несмеловым за манеру писания, расшифрованную как «исторический реализм в поэзии».

Некоторые известные на сегодняшний день сонеты Вс. Иванова («Дракон», «Казнь») были навеяны авторскими рефлексиями о китайской историософии, мифологии и культуре, здесь автор почти в совершенстве перенимает восточную медитативность сознания. Как справедливо отмечает И. Ю. Ковальчук, сонет занимает «достойное место в поэзии эмигрантов», которые «восприняли от своих предшественников все многообразие поэтических интересов, среди которых особое место занимает Восток, а также стремление к художественным поискам и открытиям». Все это своеобразно соединилось у поэтов-эмигрантов в жанре ориентального сонета, созданного под влиянием восточной поэзии с характерными для нее лаконичностью, философичностью.

Еще в Харбине в 1920 году Вс. Ивановым была подготовлена книга «В гражданской войне: (Из записок омского журналиста)». Вышла в свет она уже во Владивостоке в июле 1921 года. Как отмечалось, «это была его единственная книга публицистики, вышедшая во Владивостоке». А вот отзыв на нее некоего «Сн-ва» можно обнаружить в разделе «Библиография» в пекинском журнале «Русское обозрение» за 1921 год. Особое место в творческой биографии писателя занимает написанная в 1922 году книга «Крах Белого Приморья: Из записок журналиста». Как и писатель М. Щербаков в своей «Одиссее без Итаки», Вс. Иванов покинул Родину в роковые октябрьские дни 1922 года.

В 1945 году Всеволод Никанорович вернулся в СССР, репрессирован не был, жил в Хабаровске. В 1957 году стал членом Союза советских писателей. В это время написаны книги о русской истории, в которых мыслитель создал национальные, глубоко народные характеры: «Черные люди» (1963), «Императрица Фике» (1968), «Александр Пушкин и его время» (1970).

Владивостокские страницы творчества русского писателя и историка Вс. Н. Иванова, связанные с журналистикой, интересны и ярки, размышления глубоки и оригинальны. Стоит констатировать, что в лице Всеволода Никаноровича даже под маской простого газетчика, штатного корреспондента, художественного критика или редактора не скрыть таланта большого философа и мыслителя. Архивная периодика столетней давности хранит еще много фактов о профессиональной деятельности Вс. Н. Иванова на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов. Открытие их, думается, еще впереди.

